

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПРИМОРЬЯ

В последние годы три общины староверов-переселенцев в Приморье вызывают нарастающий интерес исследователей, журналистов и отечественных старообрядцев разных согласий. Монографии, доклады и научные статьи Ю.В. Аргудяевой, О.Г. Ровновой, Д.Е. Раскова и др. раскрывают темы исторического пути, языка, мировоззрения, экономического успеха группы староверов часовенного согласия, а также касаются специфики программы содействия добровольному переселению соотечественников в отношении староверов.

Три общины расположены в Красноармейском (с. Дерсу) и Дальнереченском (с. Любитовка и хутор Русский флаг) районах края, приблизительно в середине пути между Владивостоком и Хабаровском. Благодаря переселенцам за короткое время население с. Дерсу с 12 человек увеличилось приблизительно в 9 раз, в Любитовке поселилось немногим более 30 человек и на хуторе — около 10. У каждой общины своя стратегия экономического развития, кроме того, несколько человек объединились в кооператив, который в настоящее время развивается собственным, не вполне типичным для переселенцев способом. Как описал в статье «Бегство от мира и земной успех: экономическая культура зарубежных староверов» Д.Е. Расков, зарубежным староверам свойственна динамическая двойственная модель, объединяющая необходимость обособления от мира и одновременно ведения успешного хозяйства (URL: http://ideaidealy.nsuem.ru/storage/uploads/2016/11/03_Raskov.pdf).

В Приморье у переселенцев изначально была разница как вводных условий (экономическая стартовая база, время и этапы переселения, условия на месте поселения, численный состав семей, причины переселения), так и в оценке экономического взаимодействия с государством с точки зрения угрозы спасению души.

В Дерсу руководитель общины Ульян Мурачев со своей семьей отправился после неудачной попытки обосноваться в селе под Уссурийском. Дерсу — родина отца жены Ульяна, в 2011 году село было удаленным и полузаброшенным, с прилегающими заросшими бывшими колхозными полями (около 1000 га) в окружении реки (со сложной переправой) и сопок. Кроме того, территория сельского поселения граничит с национальным парком «Удэгейская легенда», что значительно осложняет лесное самообеспечение жителей, в частности необходимыми каждой семье дровами.

Проблемы оформления земли и выделения субсидий общине села Дерсу, нараставшие со времени постепенного переселения братьев Мурачевых с семьями в конце 2010-х гг. решались на всех уровнях: от администрации районного центра Новопокровка до правительства Приморского края, а также были на контроле у президента. И тем не менее по причине ряда непродуманных действий (например, массовое оформление КФХ — крестьянского (фермерского) хозяйства, т. е. предпринимательской деятельности, предполагающей оплату налогов) 700 га из обрабатываемых старообрядческой общиной Дерсу земель находятся в аренде, а не в безвозмездной собственности, как это было возможно для первой волны переселенцев, или безвозмездном пользовании (с переводом в собственность через 4-6 лет), как это возможно сейчас. В то же время, благодаря грантам старообрядцы закупили технику для полного сельскохозяйственного цикла, построили зернохранилище и коровник. Все пятеро братьев Мурачевых — многодетные, у самого Ульяна, например, 12 детей; село постоянно растет за счет рождаемости, все используют положенные социальные государственные выплаты. Каждый из братьев в свою часть сельскохозяйственного производства включает своих детей и их семьи. Экономическая

устойчивость Дерсу, помимо государственных дотаций, держится на общем участии в работах всей многосоставной семьи, в основе которой клан Мурачевых. Возможно, именно ограниченные земельные ресурсы обусловили этот специфический экономический уклад. Экономическую семейную систему в то же время нельзя назвать ни кооперативом, ни коллективным хозяйством. Сам Ульян и его старший сын Ефрем — наиболее состоятельные представители семьи.

Не смотря на то, что оставшиеся в Дерсу коренные жители в большинстве — старообрядцы, но все же они не так строго соблюдают правила, как переселенцы. Даже сравнительно небольшое их количество для переселенцев представляет некоторую проблему. Ульян Мурачев так описывает причины, по которым для старообрядцев лучше было бы жить совсем обособленно: «Мы лишние, беспокоим людей, погулять, выпивать не даём спокойно, ни поматериться. Они такое не ожидают. Нужен полностью обособленный хутор, не они нам, а мы им, главное, чтобы не мешали». Он же сделал выводы на основе своего опыта жизни в России: «Мы только через 5 лет немножко поняли, как себя вести. В России что само главное: не доверяться, уметь за себя стоять, привыкнуть к матершине, привыкнуть к воровству и привыкнуть к местному народу — это самое тяжелое для переселенцев. Если не умеешь за себя постоять — ты сам размазня, доверился — сам размазня. Этого в Бразилии нет. Там самый большой позор — кто кого обманул. Там доверие существует на 100 процентов. Там не надо договор писать — руку пожал, всё, мы надеемся».

В Дерсу нет школы, но приезжают учителя. Вот как описывает необходимость учебы Николай Мурачев: «Школа приезжает раз в неделю, учат. Не надо документ, главное, чтоб умели читать, писать, решать, а на земле работать — нам этого хватает».

Если ориентация на государственную помощь в с. Дерсу обусловлена как неравномерной экономической состоятельностью семей, так и ограниченной ландшафтом площадью сельхозугодий, то следующие группы переселенцев-староверов, переезжая в Приморье, развивают принципы максимальной независимости. Староверы, поселившиеся в населенном селе Любитовка (более 300 человек коренных жителей — не старообрядцев), получили положенные 300 га земли на семью, а привезенный капитал (более 1 млн. долларов) глава общины Иосиф Ревтов вложил в приобретение техники. Сыновья Иосифа, как только создавали свои семьи — сразу отделялись от отцовского хозяйства и начинали самостоятельно жить и своими силами обрабатывать свой земельный участок. Все дети школьного возраста посещали любитовскую школу.

Специфическое поведение и, главное, экономические успехи переселенцев с одной стороны подстегивают местное население заниматься масштабным сельским хозяйством, с другой — вызывают раздражение и зависть и местных жителей и сельской администрации.

Чтобы избежать контактов с местными брат Иосифа Ревтова Ульян свой «хутор» под названием Русский флаг устроил прямо в центре своего участка земли. Ульян Ревтов также, как и брат, привез в Россию значительный долларовый капитал, но приобрел только минимально необходимую технику, а на остальные средства купил 850 га земли в дополнение к положенным ему государственным 300 гектарам.

Свой опыт Ульян Ревтов резюмирует так: «Почему в России не хотят работать — из-за закона, здесь мы платим где-то 48% налоги. Поэтому работать никто не хочет. Я этого не знал, а когда начал подсчитывать, сколько уходит. И еще подняли нынче. Налог на добавленную стоимость (НДС) был 18% — до 20% подняли. Мы работаем, у нас ничего не остаётся. А что посеём, у нас на посевную уходит где-то 40-50%. И мы еще 48% заплатили, что у нас осталось? 2% заработка. А если техника сломалась... Всё. Человек прогорит, 2-3 года — прогорит, не выдерживает народ, поэтому и работать не хотят». Сыновья Ульяна еще не женаты и обрабатывают семейную землю. Из-за недостатка техники приходится пахать круглосуточно, сменяя друг друга. И тут встает вопрос, первостепенной важности для переселенцев как с экономической, так и с духовной точки

зрения: служба в армии. Помимо невозможности участвовать в любых боевых действиях, экономическая система, в основе которой работа всех мужчин семьи на земле, когда в короткие сроки надо вспахать или убрать гигантские участки: все это вместе заставляет старообрядцев беспокоиться о своих молодых парнях каждый сезон призыва в армию, а краевую администрацию прикладывать все усилия, чтобы добиться отсрочки для призывников.

Получение кредитов — следующая важная проблема. Сельхозпроизводство очень затратное, Россельхозбанк под давлением из Москвы разработал специальный кредитный продукт «Родная земля» под 5% годовых. В случае с кооперативом два специалиста с высшим образованием и опытом два месяца оформляли бумаги на получение этого кредита для кооператива. Это непосильное для старообрядцев документальное оформление возможно только с помощью профессионалов. У большинства переселенцев кроме земли ничего нет, и заложить под кредит им больше нечего.

Кроме сложного оформления выдачу денег задерживают, а когда речь идет о начале посевной — две недели задержки могут поставить под вопрос весь урожай. Так описывает проблему Ульян Ревтов: «Я в долг возьму, а чем платить буду? Не сумею посеять — всё. Я никого не хочу обманывать, я хочу работать. Если они желают помогать, как государственные, как банкиры — будем работать с ними, а не будут — будем работать... маленько и всё. Земля, которую получил и купил, вся заросшая молодыми деревьями, надо корчевать, на второй-третий год она только начинает урождать. В первый год, в 2016 мы взяли — ничего, позапрошлый год — ничего взяли. Вот нынче надеемся, это только земли «старые», которые обработаны (уже три года), а которые целина — это только так, деньги выбрасывать. Деньги надо вложить, мы не сумеем за сезон (сделать оборот). Приезжал Абрам из Бразилии, говорил: если бы дали хоть под посевную, но хоть бы на три года, потому что урожай хороший начнем собирать когда, по-нормальному — на третий год».

Обе общины горюче-смазочные материалы и семена сои для посева приобретают на средства кредитов.

Кооператив. Мысль о создании кооператива возникла во время визита митрополита Корнилия, который от старообрядцев вхож в правительство и помогал переселенцам решать экономические проблемы. В кооператив заявилось пять человек, теперь хотят вступить еще трое. Создавая кооператив, старообрядцы думали так: «Не имея ничего по одиночке пропадем, а вместе выживем». Кооператив сообще получил около двух тысяч гектаров земли. Помощь в оформлении бумаг взял на себя старообрядец белокрыницкого согласия из общины Владивостока. И то, что помогает переселенцам человек другой веры, хоть и старообрядец, и коллективный принцип объединения не членов одной семьи — все это вызвало осуждение остальных переселенцев. Аргументы были приблизительно следующие: «мы выжили за границей потому, что были единоличники. Если я понадеюсь на брата, а брат подведет, погибну и я, и брат. Нас с детства приучали возделывать только свое поле».

Наиболее прогрессивные предлагали создать кооператив, но другого плана. Чтобы в него входил склад, и все бы туда сдавали свое зерно. И со склада была бы общая продажа урожая. Если продаешь 10 000 тонн — одна цена, а 100 тонн — другая. Этот кооператив был бы потребительский, который создается в форме некоммерческой организации. Но пока нет возможности построить склад, ни единоличники не встали на ноги, ни сам кооператив.

Переходя к религиозным оценкам действующих экономических стратегий. Кредит большинством переселенцев воспринимается как честный займ у государства, который после возвращения не может повлиять на духовную практику старообрядцев в отличие от субсидий, грантов и тому подобной безвозмездной государственной помощи. Она с точки зрения старообрядцев — милостыня, которую ты должен отмаливать. А молиться за несправедное государство — грех. Именно поэтому переселенцев в Дерсу даже при нас,

исследователях, могут назвать, например, лодырями, ленивыми, не способными претерпеть трудности и добиться всего своим трудом, получающими блага «даром».

Вот как рассматривает перспективу развития своего хозяйства в России Авраам Калугин, который собирается переехать в Приморье из Бразилии: Мы люди деловые, мы не хотим приехать — дайте ради Христа. Мы не говорим, что «нам дайте». Кредит, мы берем на какие-то сроки, на какой-то объем, мы все это привыкли исполнять. Возможно быть успешным. Мы если выращиваем свою продукцию, продаем, налог платим, и мы покупаем технику, налог платим, покупаем солярку, налог платим, мы создаем новые рабочие места и в окружности сельских хозяйств всё расцветает. Когда оборот денег есть, всё сразу: человек «ой, мне надо обувь новую купить, одежду новую купить и у меня смартфон уже старый становится», и так далее, конца-края нет этому. От самых малых вещей до самого высокого уровня всё подымается, но это мало кто понимает. Советская власть отобрала у людей амбицию. Она есть амбиция на «даром дай». Всё кто-то мне должен помочь, государство мне дом дать и медицину, и всё, и всё. А нужно, чтобы приехать — быть успешным и быть полезным».